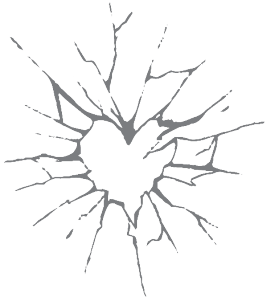
Посвящаю эту книгу Андреа и Даниэлю.
Если бы у них был другой выбор — они бы все равно выбрали
друг друга. Даже зная, чем это закончится.

Плейлист

I See Red — Everybody Loves an Outlaw
I Was Never There
— Gesaffelstein и The Weeknd
Isabel LaRosa — Eyes Don't Lie
Dangerous Hands — Austin Giorgio
Love Is a Bitch — Two Feet
Billie Eilish — you should see me in a crown
Selena Gomez — Fetish
Nour — Premier Amour (speed up)
Formidable — Stromae
Dynasty — Miia
Sickick — Intro (Infected
Dangerous Woman — Ariana Grande
After Hours — The Weeknd
Tom Odell — Can't Pretend
Rag'n'Bone Man — Human
Kaleo Way Down We Go — Way Down We Go
ALEKSEEV — Океанами стали

Главный символ этой книги — Пепел.

Пепел — это все, что осталось после пламени: след разрушенного и пережитого, память о боли, любви и выборе, которые уже невозможно вернуть, но невозможно и стереть.

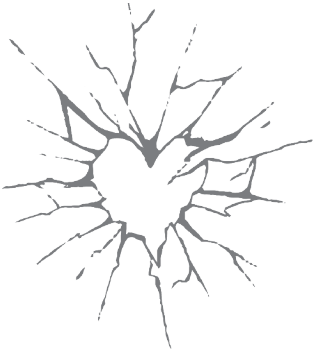
Ничто не исчезает бесследно.

Это не конец. Это то, что еще может возродиться.

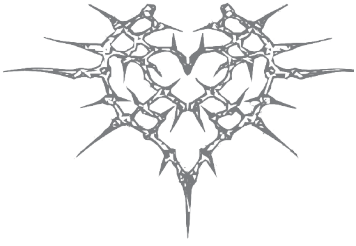

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«Обретая любовь»

Пролог

Пять лет спустя

— Даниэль! — голос сорвался на рыдания. — Пожалуйста! — судорожно закричала я в трубку.

Мелкая дрожь пробежала по рукам. Ноги сделались ватными. Тело перестало мне принадлежать. Сейчас им овладел страх. Во рту чувствовался вкус крови.

Он разбил мне губу, когда ударил.

— Андреа?! — в голосе Даниэля проскользнули нотки страха, что медленно съедал нас обоих. Он был рад слышать меня. И в то же время его пугала неизвестность. Дэн боялся меня потерять.

Я жива. Но в данной ситуации — это всего лишь вопрос времени.

— Даниэль, они… они здесь. — Дышалось тяжело.

Боль в груди и, кажется, даже в ребрах. Я не знала, остались ли они целыми.

— Я успела выхватить телефон. Не знаю, что делать. Я… они… они хотят… — рана на губе вновь разошлась, выпуская тонкую струйку крови, скатившуюся по подбородку.

— Ш-ш-ш, — тихий шепот заставил сползти по холодной сырой стене на пол туалетной кабинки.

Я зажала рот ладонью, пытаясь заглушить рыдания.

— Дыши, птичка, слышишь? Я тебя найду. Обязательно. Ты доверяешь мне?

Хотелось прокричать тысячу раз: «Да», но со стороны входа доносились топот ног и крики, и паника сковала горло.

— Они здесь. Здесь, Даниэль. — Сердце колотилось так громко, что, казалось, его стук слышен через тонкие стены туалета.

Шаги приближались.

— Она там! — кричал один из ублюдков.

Я знала, что меня поймают, но у меня была фора, чтобы дозвониться до Даниэля.

— Они… — Истерика съедала все слова, пытавшиеся сорваться с губ.

— Послушай меня внимательно, Андреа. — Он говорил спокойно, хотя за этим спокойствием скрывался настоящий шторм эмоций.

Я закрыла глаза, вслушиваясь в его дыхание. Глубокий вдох.

При мысли о том, что это может быть наш последний разговор, в груди все сжималось.

— В телефоне есть чип, — продолжил Дэн. — Вытащи его, засунь под язык, а лучше проглоти. Он маленький, — быстро и четко инструктировал он. — Послушай, птичка, я обязательно найду тебя.

Я не сдерживала слезы, стирая их с лица: с такой болью прозвучали эти слова.

— Я найду, ты же веришь?

Мы оба замолчали.

Я сильнее прижалась к холодной плитке кабинки, будто она могла скрыть меня от тех, кто уже бежал сюда.

— А теперь разбей мобильник. Чип внутри.

Господи, если это наш последний разговор, хочу сказать только одно.

— Я не часто говорила это, Даниэль… но я люблю тебя. — Телефон скрипел в ладони, разделяя мое напряжение. — Любила, люблю и буду любить. *До самой смерти.* — улыбка вышла болезненной и отчаянной.. — Берегите себя. Если… если ты не сможешь меня спасти, Дэн. Прошу, не вини себя. Только не вини себя.

— Нет, дьяволица!

Что-то с грохотом разбилось. Кажется, Даниэль смахнул все со стола.

— Черт бы всех драл, не смей со мной прощаться! — свирепо прокричал он. — Я найду тебя и спасу, верь мне. Я сожгу этот мир, но найду тебя, Андреа.

— Я люблю тебя, Даниэль Грассо Конселло, — прошептала я, отводя трубку от уха.

Одновременно с моим взволнованным вздохом раздались треск и грохот — судя по звукам, дверь женского туалета вылетела из петель. Страх заставил действовать быстро, ведь дверь в мою кабинку будет снесена через считаные секунды.

Я разбила мобильник об унитаз. На белый кафель упал маленький чип.

— Ну же, детка, выходи по-хорошему! — Эти люди искали меня в каждой кабинке, заставляя некоторых девушек кричать от возмущения.

Я подобрала чип и, положив его в рот, попыталась проглотить. Это оказалось трудно. Горло сжалось, во рту после криков и слез не осталось слюны.

Наконец у меня получилось, и в этот момент дверь оказалась проломлена. Трое мужчин при виде меня оскалились, их глаза сверкнули жадным блеском.

— Теперь ты наша, пташка. — Один из них сделал шаг в тесное пространство и схватил меня за плечи.

Тело пронзила знакомая острая боль.

Казалось, время сделало круг. Я снова чувствовала эту боль, о которой успела забыть со времен пребывания в особняке ублюдка Марко в Портофино.

— Нет! — Я дралась, кусалась, билась — напрасно.

В конце концов, я находилась в их власти.

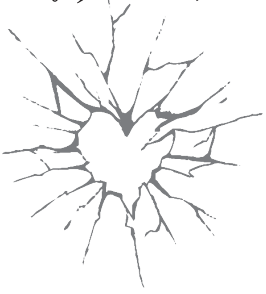
И единственная надежда была на Даниэля.

Я доверяю тебе.

Я люблю тебя.

До самой смерти.

Глава 1

Даниэль

Несколько месяцев назад

— Ворон! Ворон! Ворон!

Крик толпы будоражил кровь.

Адреналин разливался по всему телу.

Стоять на ринге, видеть в глазах противника страх и слышать восторг зрителей — как наркотик. Дрожь проходит по телу, мышцы горят, глаза сверкают, и ты в экстазе. Словно все происходит не здесь и не сейчас.

— Ворон! Ворон! Ворон!

В воздухе стоял тяжелый запах пота и старого дерева, впитавшего кровь бойцов. Сетки, за которыми стояли заключенные, звенели.

Соперник сделал глубокий вдох. Наши взгляды встретились. Он принял стойку, взревел и рванул на меня. Я учащенно задышал, просчитывая свой следующий шаг. Внутри все закипало: злость, азарт, усталость, глухое желание доказать, что я живой. Сердце колотилось где-то в горле, дыхание обжигало грудь.

На секунду я увидел в его глазах страх. Тот самый, что всегда питал мою силу. Я сорвался с места, резко прыгнул в сторону, развернулся и пяткой врезал ему прямо в челюсть.

Воздух дрогнул. Все вокруг превратилось в белый шум.

Соперник без сил свалился на пол. Глухой удар затылка о бетон эхом прокатился по залу..

Толпа заревела громче:

— Ворон! Ворон! Ворон!

Ворон. Так меня прозвали из-за принадлежности к клану «Corvi»*. Здесь никого и никогда не называли по имени. И Ворон не просто слово, это отметка власти. А за решеткой власть — единственная валюта.

Смысла оставаться на ринге больше не было. Я развернулся и ушел прямиком в раздевалку. Войдя в душевую, разделся, открыл кран и, тяжело выдохнув, прикрыл веки.

Вода текла по телу, смывая кровь с лица, рук и ног. Но она не смывала внутреннего напряжения. Звук бьющейся о кафель воды успокаивал лишь частично. Открывать глаза не хотелось. Тускло горящие лампы, впитавшие грязь, и обшарпанные, давно покрытые плесенью стены, — от этого зрелища становилось тошно.

Бои оставляли внутри лишь пустоту. Ни радости, ни гордости, только шум сердца и слабое дрожание мышц.

На выходе из душевой я встретил Торри, своего сокамерника. Тот стоял, привалившись к раковине и скрестив руки на груди.

— Мешки довольны, — усмехнулся он, глядя на меня.

Мешки. Так называют местных богачей. У них в карманах водятся деньги, и эти деньги уходят на зрелища, подобные тому, которое я завершил минутами ранее.

Но я участвовал в боях не ради денег. Бои стали моим единственным успокоением за все пять лет, проведенных в тюрьме. Они давали возможность на время забыть о том, как сильно я ненавидел себя и слова, которые, словно заевшая пластинка, продолжали играть в голове по сей день.

«Я больше тебя не люблю».

«Ты умер».

---

* Ворон (*ит.*).

«Я сделала аборт».

«Ты подарил мне эти крылья, Даниэль, и сам же их сломал».

Я разбил ей сердце, а она в отместку забрала мое.

— Следующий бой… — начал Торри.

— В следующем бою меня не будет, — поспешил перебить его, вытираясь полотенцем.

Капли стекали с волос, рук и плеч, оставляя следы на кафеле. Я с усилием стирал остатки воды с кожи, ощущая, как горят мышцы после боя.

— Он через месяц, — недоумевал Торри, разводя руками. — Твой срок заканчивается через два.

Взяв чистую одежду, я переоделся.

Торри младше меня на семь лет, но хитер как лис. Хотя однажды его переиграли, когда он попался с партией порошка. И теперь он здесь. Отбывал срок.

— Я выхожу на следующей неделе, — наконец сказал я новость, которую и сам узнал недавно.

— Что? — ошеломленно отступил назад Торри. — Как это?

— Отец умирает. Мне придется взять дела на себя. — Несколько дней назад мы обсуждали это с Тристаном, Габриэлем и Каиром. Тогда я отреагировал без эмоций и только сейчас осознал, что меня ждет на свободе.

— Слушай, Ворон, — Торри сбавил тон, сделав шаг в мою сторону, — возьми меня в клан.

— Нет, — отрезал я сразу.

— Почему, черт возьми? Я могу вам пригодиться!

С этим было сложно поспорить. Этот парень обладал отличными хакерскими способностями. Но он мог бы построить свое будущее иначе. Без этой крови и мафии.

— Это не игрушки, парень. — Моя ладонь легла ему на плечо. — Это не кататься на велосипеде и кидать порошок по углам. «Corvi» — организация, из которой нет выхода, — сказал я жестко, глядя ему прямо в глаза. — Ты заходишь жи-

вым, а выходишь мертвым. Чтобы я об этом больше не слышал, ясно?

Торри замер, не моргая. Его светлые, немного рыжие брови сошлись на переносице.

— Именно поэтому я и хочу к вам. Думаешь, от меня что-то останется, когда я выйду отсюда? — Он резко дернул плечом, сбрасывая мою руку. — Нет, Ворон. — Торри начал теребить волосы и ходить из угла в угол, как делал всегда, когда волновался. — Люди, на которых я работал, убьют меня, стоит мне переступить порог тюрьмы. — Наконец он остановился прямо напротив меня. — Помоги мне, и я буду предан тебе до конца своих дней.

Он не боялся. Смотрел прямо в глаза, смело, без колебаний.

Я нашел лишь одну фразу, которая отражала всю серьезность его решения.

— Знаешь, как у нас говорят? Каждому ворону, вошедшему в клан, мы дарим крылья. Но если он предаст нас — мы отрубаем эти крылья и сжигаем вместе с ним. — На моих губах появилась ухмылка. — Теперь решай сам, Тайлер Рейк.

Я надел футболку и, не дав ему шанса возразить, быстро ушел, оставив Торри наедине со своими мыслями.

До меня доносился шум с ринга, где продолжался следующий бой. Парня, который дрался со мной, уже унесли в медпункт, а может, и сразу в морг.

У выхода из зала ждал надзиратель. Он надел на меня наручники, довел до камеры и снял их.

Камера была пустая. Здесь царила тишина.

Я плюхнулся на свое место в углу, где никто не трогал, и устало подпер голову ладонями.

Скоро все закончится. Я выйду отсюда и займусь своим делом. Но этим я не смогу смыть вину перед Андреа.

Тишина — злейший враг. Она заставляла вспоминать то, что я так старательно пытался забыть.

Ее улыбку, смех, запах, шелковистые волосы, нежную кожу. Но самое тяжелое — забыть то, что я чувствовал рядом с ней. То, как впервые за всю жизнь позволил себе быть слабым. Признаться, что любил.

Только с ней я мог спать без кошмаров, смеяться по-настоящему, знать, что есть человек, которому я дорог так же, как она мне.

Эти ощущения не стирались.

Я потерял все. *Я потерял ее.*

Андреа ушла, словно песок, просочившийся сквозь пальцы.

И самое страшное — я не знал, где она и что с ней.

Как жалко.

Я клялся себе, что всегда буду ее защищать, а теперь даже не знал, где находится моя птичка.

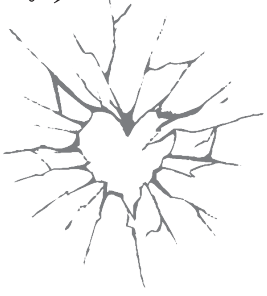
Я позволил ей улететь. Она это заслужила.

А может, именно в этом и была моя защита? Быть вдали друг от друга.

Нет.

Глава 2

ИРЛАНДИЯ. ДУБЛИН

Андреа

Когда говорят, что время лечит, я не верю.
Это не так.

Время никогда не лечит боль. Ты просто привыкаешь с ней жить. Да что там! Со временем привыкаешь ко всему. В том числе к прошлому, которое всегда, словно тень, преследует тебя. Оно в мелочах — в невкусном кофе, в запахе чайного дерева, в красивых карнавальных масках, в музыке, в зеленых глазах, в задорной улыбке и в черных, как воронье крыло, волосах.

— Мама!

И ты продолжаешь плыть по течению. Все еще улыбаешься, радуешься, живешь или пытаешься.

У меня был один большой смысл продолжать жить. Смысл, который когда-то держал меня на плаву, не давая окончательно утонуть в боли. Единственная радость. Единственный якорь.

Чего стоила одна ее короткая улыбка. Она затмевала всю грусть и боль.

Моя дочь.

— Ну, — притянув к себе, я расцеловала ее пухлые щечки, не в силах от них оторваться. — Идем домой?

Тина захлопала в ладоши, широко улыбаясь.

Я назвала дочь именем самого дорого мне человека. *Своей сестры.*

Два хвоста, в которые утром были собраны черные кудрявые волосы, превратились в один. Неряшливые вещи, поцарапанная обувь, грязный нос, но такие довольные глаза.

— До завтра, Мартина, — прощаясь, помахала рукой воспитательница.

Малышка ответила тем же, а потом посмотрела на меня.

— Побежали, мама! — И потянула со двора садика так резко, что я чуть не упала. — Ты обещала мороженое и печенье!

Мартина в свои четыре с небольшим годика была неугомонным ребенком. Если вы оставите эту маленькую бестию без присмотра на пять минут, готовьтесь к тому, что вам понадобится огнетушитель. И я не преувеличивала. Однажды я не углядела за ней, и моим шторам на кухне пришел конец. По сей день помню, как перепугалась за дочь.

— Мама! Ты же купишь мне мороженое? — Малышка Тина остановилась, угрожающе глядя своими темно-зелеными глазами. Прямо, как у меня, но на тон темнее. Словно художник взял и добавил в них каплю черной краски. Нетрудно догадаться, у кого художник одолжил этот тон.

— А у меня есть выбор? — Я посадила Тину в детское кресло машины.

Малышка крепко прижала к себе любимую игрушку, ворона, и довольно улыбнулась. Однажды в магазине игрушек она потянулась именно к ней и больше не отпускала.

— Не-а! — уверенно заявила проказница.

— Тогда поехали.

В нашем прибрежном городке Хоут есть одно кафе, куда мы с Тиной заглядываем ежедневно. Нам очень нравится его дизайн в теплых оттенках коричневого, добрый обслуживающий персонал и невероятно вкусные шоколадное мороженое и шоколадное печенье. Мы никогда не изменяем своим предпочтениям.

— Dia duit á illeacht!* — радостно поприветствовал нас Шон, владелец заведения.

Мартина подбежала к нему и дала пять. Шон был пенсионером, а это кафе они открыли с женой, ныне покойной, о которой он всегда отзывался с тоской в глазах. Шон широко улыбнулся Тине и, проворачивая свой любимый фокус, достал для нее конфетку словно из ниоткуда, получив радостный детский смех в ответ.

— Привет. — Я подошла к деревянной стойке. — Нам как всегда.

— Будет сделано, мисс. — Подмигнув, Шон пошел выполнять заказ.

Тина же заняла наше любимое место у окна — сняв рюкзак, уселась на кожаный диванчик, пока я ждала заказ.

— Слушай, — обратился ко мне Шон, поставив на барную стойку два конусных стеклянных стаканчика шоколадного мороженого с шоколадным печеньем. — Моя внучка хочет к тебе на балет. Есть место?

Я взяла десерт и кивнула:

— Приходите завтра к четырем. На пробный урок.

Балетную студию я открыла больше года назад, и это стало еще одной отдушиной, не позволяющей чувствовать себя чужой в новой стране. В Ирландии все было иначе. Погода, люди, язык и даже запах.

— Отлично! Мороженое за счет заведения, — весело подмигнул Шон.

Улыбнувшись, пошла к дочери, здороваясь по пути со знакомыми. Поселок был маленький, поэтому все знали друг друга. И я не была исключением.

— Так, — я поставила стаканчик перед Тиной, — а кто будет мыть руки? — И хитро глянула на нее, уперев руки в бока.

---

* Привет, красавицы! (*ирл.*)